

Анатолий Овчинников

Записки юного боцмана

Анатолий Николаевич Овчинников

Записки юного боцмана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70047031

SelfPub; 2023

Аннотация

Быт и нравы на вспомогательных кораблях Северного флота советского ВМФ в 70-е годы.

Содержание

Война с крысами на Северном флоте	4
Как я спас корабль ВМФ СССР	10
Как я закончил флотскую партшколу	17
Как я плавказарму красил	27

Анатолий Овчинников

Записки юного боцмана

Война с крысами на Северном флоте

(Имена персонажей вымышлены или изменены, любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны).

Советский Союз, конец 70-х, Северный флот, Североморск-8, губа Нерпичья, 7-я дивизия атомных субмарин, плавказарма ПКЗ-13 «Ветлуга» и её старший боцман (это я) – юный, но уже матерый 20-летний «мореман».

Для справки: плавказарма такого типа – это четырехпалубный комфортабельный отель на воде финской постройки, предназначенный, в частности, для размещения экипажей подводных лодок. Команда этого, как ни крути, но корабля ВМФ – это три десятка матросиков под руководством списанных с лодок капитан-лейтенанта, его зама (он же командир БЧ-5), почему-то капитана 3-го ранга, старлея тыловики-интенданта и главного боцмана – непролазного пьяницы-мичмана. Последний, мой тогда непосредственный начальник, – незабвенной памяти добрейший латыш Бруно

Янович Рагулис, почти никогда не вылезавший из персональной каюты, где он благополучно пропивал вверенное ему казенное имущество.

Кроме перечисленных двуногих в экипаж также входили несметные полчища корабельных крыс (еще тараканы, но они не в счет). Отношения в системе человек-крыса наиболее выпукло проявляются именно на кораблях – в ограниченном закрытом пространстве, где, казалось бы, избавиться от назойливых соседей не представляет особого труда, но не все так просто. Эти твари приспособлены ко всему, к любым тяготам и лишениям воинской службы, а также к ядам, газам, крысоловкам, отравам, радиации – ко всему, кроме барометрического давления. На подводных лодках, где давление окружающей среды постоянно скачет на несколько атмосфер крысам, в отличие от людей, оказалось некомфортно и их там попросту нет. А вот на надводных кораблях – ого-го!

И не бегут они никуда в случае надвигающейся опасности, а героически гибнут вместе с кораблем. А вот у пирса, на причалах с удовольствием ходят друг к другу в гости, а также к своим береговым сородичам, обеспечивая, таким образом, пополнение и разнообразие своего генофонда. Для противодействия подобным экскурсиям на причальные тросы и канаты вешают заградительные щитки или мётла с прутьями в сторону возможной экспансии, но привычные ко всему серые твари-канатоходцы умудряются преодолевать эти препятствия (они перебегают с корабля на корабль или на при-

чал по канатам, хотя могут и вплавь).

Досаждали они, в основном тем, что забирались, ища тепла и удобства для своих гнезд во всякие защищенные места, как-то электрощиты и электрораспределители, в различные механизмы и устройства, портили секретные и даже – что уже совсем недопустимо – партийные документы и бюсты вождя в ленинской каюте. Крысы зачастую замыкали своими телами разного рода контакты и рубильники, застревали в трубопроводах и воздуховодах и т.д., и т.п.

На бытовом уровне они создавали неудобства следующего плана: допустим, лежит матросик на верхнем ярусе своей койки, смотрит в выходной день в родном кубрике кино на простыне, а через него, прямо по тельняшке, по его морской душе пробегает по своим серым делам крыса с крысенятами. У нас камбуз был рядом с кубриком за переборкой (обеденные столы там же). Так вот, ночью, бывало, зайдешь туда чайку перехватить со сгущеночкой (входила в матросский паёк), врубишь свет, а со столов крысы врассыпную – десятками! А там еще и баталерки с кондейками для продуктов и припасов – жрали всё! Я уж не говорю о перспективе какой-нибудь эпидемии типа бубонной чумы.

Еще до меня на флоте ходили легенды, что в старые времена матросу, который добудет и предъявит командованию 100 (сто) крысиных хвостов полагались 10 суток отпуска, не считая дороги. Так вот, это оказалось не легенда. Слушайте и запоминайте, и не говорите, что вы не слышали.

Служили тогда срочную три долгих года, очень-очень долгих... И отпуск надо было еще заслужить, ибо не существовало никакого графика, а все оставлялось на усмотрение командиров, которые, как правило отпуск – эту единственную радость бойца – зажимали как могли. И вот как раз в мою бытность одно время – по крайней мере в нашей дивизии – такой обычай (относительно сделки 100 хвостов в обмен на 10 суток отпуска) существовал в реальности. Говорят, даже был такой приказ, но, скорее всего, устный и негласный. Но матросы взялись за дело с энтузиазмом и надеждой. И я тоже, хотя отпуск мне не светил ни при каких обстоятельствах, даже если б я спас из акульею брюха самого Главкомандующего. Но сработал охотничий инстинкт.

Но легко сказать – поймай крысу и отрежь у нее хвост, а как ее поймать, если она ни в какие крысоловки не идет, грамотные они, эти твари?! И вот с моей подачи был разработан и внедрен примитивный, но действенный метод отлова этих хищников. Я вспомнил, как в детстве с отцом ловил голубей: под край ящика подставляли палочку, от нее шла веревочка подлиннее, под ящик сыпешь зернышки и сидишь ждешь, когда голубок подлезет туда поклевать. А ты в этот момент – дёрг за веревочку – и птичка твоя. Стыдно признаться, но нам этих голубков бабка жарила, но не потому что жрать было нечего, а потому что вкусные – ах какое было филе – пальчики оближешь... Но я о крысах.

В этом случае ящик был заменен на деревянную решетку

(или же трап по-морскому), ну, типа, какие в хорошей ба-не под ноги стелят. Под краешек также палочку с веревоч-кой-тросиком, а под трап подвешиваешь какую-нибудь вкус-няшку. Потом прячешься за углом и ждешь. Ночь, тишина (относительная) и вот они: мерзко пищат и осторожно под-ходят к угощению, не подозревая, впрочем, что это ловушка – им это еще в диковинку. И тут ты – дёрг за тросик, решет-ка – бац на крысу (а то и на двух сразу), следом ты выска-киваешь из укрытия и молотком ее – хрясь сквозь решетку промеж глаз – и амба! Она твоя. Потом – почему-то лезви-ем «Нева» – подрезаешь у корня хвостик, отламываешь и в трехлитровую банку с солью (чтобы трофеи не протухли).

Азартная вещь, доложу я вам – охота на крыс, за пару ча-сов без сна можно добыть несколько штук, до десятка, если повезет, если будет охотничий фарт. Да, а тушку – за борт. И еще кстати: пробовали применять котов и кошек, но они сами не охотились, ленились, а когда принесешь им в пода-рок крысу, эти зажавшиеся толстые любимцы команды вы-грызали у крысы только мозги – видать, вкуснотища! И все, а тушку – за борт!

И вот так несколько волонтеров занимались ночной охо-той. Банка наполнялась, но до ста хвостов еще не дотяги-вало. Дальнейшие действия охотника за крысами согласно приказу были следующие: он шел к военврачу с этой банкой, тот выписывал справку о сдачи таким-то ста крысиных хво-стов. Количество хвостов, естественно, ни один врач в здра-

вом уме пересчитывать не будет. С этой справкой боец следовал к командиру насчет отпуска.

А вот дальше такая фишечка. Врач приказывал своему военфельдшеру выбросить эту банку за борт (все шло за борт, ох, и грязница была в той губе), а фельдшер – это свой брат матросик из корабельной команды, только успевший до призыва закончить медучилище. Этот медик в тельняшке нес банку с хвостами не за борт, а обратно в команду и через некоторое время с этой же банкой к врачу за справкой направлялся следующий кандидат в отпускники, а банка с хвостами вновь возвращалась владельцам в кубрик. И так несколько раз. Врать сильно не буду, но где-то человек пять таким образом смогли покрасоваться в морской форме со всеми прибамбасами у себя на родине героя. Девки передрались. Наверное.

Её, богу, не вру, вот вам крест и моя якорная наколка с акулой на левом плече!

Как я спас корабль ВМФ СССР

1976 год, Северный флот, губа Нерпичья, военный городок Североморск-8, плавказарма ПКЗ-13 – она же «Ветлуга» – финской постройки.

Сначала немного о предмете повествования – плавказарме, иначе плавучем отеле, рассчитанным примерно на 400 койко-мест одновременно. Это был комфортабельный, но не самоходный (без винта и парусов) лайнер водоизмещением 2500 регистровых тонн стандартное и 3570 тонн полное со всеми сопутствующими прибабасами мини-города на воде, как-то: 4-х местные каюты, прогулочные палубы, клуб, кают-компания, сауны... Да-да, именно сауны, которые оказались одним из главных действующих лиц этого скетча.

В те годы в губе Нерпичья базировалась 7-я дивизия 1-й флотилии атомных подводных лодок Северного флота и при этом, за неимением береговых казарм экипажи ПЛ в межпоходный период обитали именно на плавказармах. Немного военной тайны: 7-я дивизия АПЛ включала в себя 15-16 атомоходов 675-го проекта («Эхо» по натовской классификации) – носителей 8 штук каждый противокорабельных крылатых ракет П-6, увы, надводного старта и к тому времени уже устаревших. Экипаж 137 человек по штатному расписанию.

Экипаж же непосредственно плавказармы состоял из 40

человек по штату. В мою бытность офицеров было всего трое, а именно: командир корабля – капитан-лейтенант; командир БЧ-5 (основная для нас – электромеханическая служба) – почему-то целый капитан 2 ранга, списанный на эту никчемную нестроевую посудину за какие-то провинности и допивавший свой срок до ранней пенсии; – и старлей – интендант-снабженец. Мичманов всего два: один тоже по снабжению, другой – главный боцман, достойный полного упоминания – Бруно Янович Рагулис – мой непосредственный начальник, почти никогда не вылезавший из своей каюты. Впрочем, и остальных мы видели только на утреннем подъеме флага. Ну, и нижних, так сказать, чинов десятка три разного срока службы (напомню, тогда на флоте срочную служили три года).

Автор сего рассказа состоял в должности старшего боцмана – командира отделения боцманской службы (боцман звучит круто, но в реале, по-простому, типа мальчик на побегушках: поднести, прибить, покрасить и т.п.), но без звания – просто матрос – я был из штрафников и даже старшего матроса (ефрейтора по сухопутному) мне не полагалось – об этом как-нибудь в другой раз.

Так вот. Помимо всего прочего на данном ковчеге имелось четыре сухих сауны на электрической тяге, легко приспособленные местными умельцами под русскую баню с помощью нагрева на ТЭНах кусков гранита соответствующего размера (гранит там везде). Ну, а настоящая русская ба-

ня предполагает веник как обязательный аксессуар. И вот кому-то из руководства то ли нашего родного корабля, то ли вообще в штабе дивизии пришла под флотскую фуражку светлая мысль: а не запастись ли нам банными вениками на год вперед? – благо, стояло северное лето с белыми ночами, а окрестные сопки были сплошь усеяны кустами карликовых берез.

И вот, согласно приказа вышестоящего командования в лице мичмана Рагулиса, который ради этого случая наконец-то вылез из своей каюты, все свободные смены команды «Ветлуги» отправились в сопки нарезать березовые прутья и вязать веники. Труда особого это занятие не составляло – так, забава, тем более, что сбор даров берёзы совпало по срокам с периодом созревания черники с брусникой, а также грибов типа подберезовиков.

Авральные работы длились несколько дней, результаты трудов матросиков сносились на корабль в так называемый форпик (огромное помещение в носу корабля для хранения всякого боцманского хлама – старых талрепов, тросов, досок, брусьев, лопат, метел и т.п.), в результате чего он был забит «под самые помидоры» несколькими сотнями березовых веников.

«Усталые, но довольные» – как сказал бы классик – участники операции вернулись к исполнению своих непосредственных обязанностей. В том числе и я – старший боцман и счастливый обладатель ключей от всех корабельных

«шхер» – кондеек, баталерок и от того самого форпика (как и ахтерпика) и даже от румпельного отделения – хотя корабль был без винта, но руль и рулевой механизм, который надо было периодически проворачивать – был.

Пропустим некоторое время, ну, дня два-три-четыре. Через эти N суток захожу я по своей боцманской надобности в форпик (допустим, чтобы отрезать 10 метров красной джутовой ковровой дорожки для обмена на пол-литра шила, то есть, спирта) и сразу понимаю, что чёт-та здесь не так... Уловил странный и подозрительный запах и почуял телом некую излишнюю теплоту окружающей среды. На ту пору мне было всего лет 20 и я – городской житель – понятия не имел о коварных свойствах сырого сельхозматериала, тупо сваленного в кучи, и уж тем более о связанных с этим экзотермических реакциях. Но тут внезапно в глубинах сознания проснулась генетическая память пещерного предка, повелевшая: рой кучу веников!

В глубине оной я обнаружил не только явственно поднимающийся дымок, но и изрядно побуревшую и довольно уже нагревшуюся листву – от недр этого березового вулкана ощущался жар. Произошло самовозгорание сырого материала. Ну, почти.

«Горим! Караул!» – успел подумать я про себя, и вся моя короткая на ту пору жизнь пронеслась перед глазами. Вот-вот может вспыхнуть (наверное), и пожар обязательно перекинется на весь окрестный хлам, а от него через переборку

на соседние каюты и огонь пойдет гулять по кубрикам и каютам.

Сейчас мне никто не поверит о царящем тогда повальном бардаке на нашей, по крайней мере, «коробке», но за тот год, что я там обретался в боцманах, не помню ни единого учения по борьбе за живучесть корабля, в том числе и по противопожарным мероприятиям. Чисто теоретически на палубах были растянуты обычные рукава, подсоединенные к гидросистеме, с помощью чего мы во время больших приборок (по субботам) драли палубу и всё остальное, но как конкретно этой штукой гасить пламя – сверху или снизу – нам не показывали. Я и огнетушитель-то ни разу в руках не держал, хотя они повсюду висели, даже были какие-то модные пенные на колёсиках, как роботы, но что у него внутри и что с ним делать – мы не знали.

Зато каждый понедельник с утра и до обеда на обязательных для всех партполитзанятиях старлей-завхоз часами бубнил цитаты из журнала «Коммунист Вооруженных Сил» о коварных происках НАТО (происки были уже тогда, 50 лет назад, существуют и донныне, многократно усиленные).

В-общем, с криками: «Ратуйте, люди, ратуйте!» – я кинулся бежать к нам в кубрик (он был на корме), по пути призывая всех встречных наших немедленно мчаться в форпик спасать корабль и наши души. И не только наши – на ПКЗ два экипажа с подлодок, днем, правда, почти никого – все на своих лодках, но в кают-компании постоянно отирались

какие-то каперанги и кавторанги с гражданскими специалистами, а с ПКЗ на пирс всего один трап-сходня и мгновенно всем не эвакуироваться, разве что сразу за борт. Собрал своих боцманят, годки-старшины отправили своих свободных от вахт и сами тоже рванули спасать ситуацию.

Веники мы охапками вытаскивали на верхнюю палубу, вернее, на бак – пространство в носу корабля на виду у ходовой рубки, – в которой никогда никого из начальства не бывало по причине непригодности корабля к самостоятельному передвижению. Я сортировал зеленые еще веники отдельно, слегка пожелтевшие отдельно, а совсем сгнившие и очень горячие – в отход. Но не за борт, опасаясь нагоняя, а дав им остыть, потихоньку относили на баржу с отходами.

Была такая небольшая баржа, её все называли «Улыбка», по мере накопления хлама и отходов, в основном пищевых, её цепляли к буксиру, оттаскивали дальше к выходу из залива-шхеры и там вываливали в море. Туда назначали провинившихся матросов вместо гауптвахты и их так и называли «Командир Улыбки». Но я туда не попал ни разу. Такая вот экология.

Стояло жаркое до +15 северное лето, светило незаходящее солнце и за сутки война с непокорными вениками была победоносно завершена. Спасенную, подсохнувшую их часть затащили обратно в форпик, и я потом долго по три раза на дню ходил контролировал состояние этой биомассы. Да, а многие подгнившие годились на метла, они же голяки

по-морскому – мы же боцмана, нам всё надо!

Ни командир, ни боцман Рагулис, ни, тем более дивизионное начальство, похоже, так и не узнали о грозившей кораблю опасности, и что я его фактически спас и жду хотя бы медаль «За боевые заслуги».

Но, хрен с ней, с медалью, спасибо, что не расстреляли!

Как я закончил флотскую партшколу

В СССР существовала система партийных школ (напомним, что тогда партия была одна-единственная – направляющая, руководящая и всё регулирующая, впрочем, как примерно и сейчас): от Высшей школы при ЦК КПСС, к республиканским, областным и даже районным (наверное), были они и в армии, и на флоте. Эдакая иерархическая структура-медресе как для начинающих коммунистических демагогов, так и для уже матерых членов с задачей доведения их до академического уровня. Но рассказ мой вовсе не о них, а о том, как я однажды сдавал выпускной экзамен в такой партшколе за другого человека по чужому военному билету.

70-е годы, Северный флот, г. Североморск-8, губа Нерпичья, 7-я дивизия 1-й флотилии АПЛ, плавказарма ПКЗ-13 «Ветлуга» – я опять всё о ней. Команда этой гостиницы на воде была невелика – до 40 человек, включая трех офицеров и двух мичманов, остальные – матросики разных сроков срочной службы и совершенно различных национальностей. Сейчас, когда вспоминаю этот интернационал – мама дорогая! – кого там только не было: весь Советский Союз в одном флаконе. От прибалтов и западнцев до узбеков и казахов (бурятов и якутов у нас тогда не было – врать не буду). Был

даже один табарасанец – никто не знает, что это за нация, а я с той поры знаю – это одно из 100 племен в Дагестане со своим языком и менталитетом, который никак не хотел вписываться в реалии советского ВМФ, да и всего социалистического строя. Это был просто дикий горец, вырванный из родной стихии на другой конец света во льды и полярное сияние. Ни к чему его приспособить не удалось, он просто не мог понять где находится и зачем все это, зачем ему эта железная тюрьма? – и он при первой возможности убежал зимой полураздетый в сопки. Его потом голодного, но живого и здорового (а что пещерному жителю сделается?!) нашли патрули, и к нам он больше не вернулся.

А вот один здоровенный узбек, тоже поначалу не понимавший по-русски – тот быстро понял, что к чему, получил прозвище «Беломора» (за пристрастие к курению) и был зачислен в трюмные машинисты. Это так громко звучит, а на самом деле это уборщик-универсал со знанием где какие вентили и клапана расположены и в какую сторону их крутить.

Всей командой заправлял главстаршина по фамилии Вовк (офицеров мы практически не видели, им было не до нас). Натуральный бандеровец с Западной Украины, но дисциплину в команде он держал в пределах разумного, понимая разницу между уставом и реальной жизнью и не выделялся, где не надо. В-общем, местный авторитет.

Я особо сдружился с дизелистом по прозвищу Малыш

(там у всех были клички – позывные по-нынешнему), что к нему прилипло от фамилии, так-то он был обычного формата. Малыш был старшиной 2-й статьи, командир отделения дизелистов. Для справки: основная машина у нас была – паровая турбина на мазуте, дававшая электричество и тепло, а огромный дизель был аварийный, то есть, на случай поломки турбины. Правда, в отделении дизелистов кроме Малыша был всего лишь один-единственный матрос-первогодок, или же «карась» по-нашему. С этим карасём Малыш носился как с родным сыном, не давая его в обиду другим годкам (годок – это «дед» по сухопутному), потому что через полгода – к малышевому дембилю – этот карась должен был полностью заменить его у дизеля и также натаскивать следующего матросика – уже своего подчиненного.

Так вот, этот с виду ничем особо не примечательный Малыш – скромный, тихий, отличный специалист, к тому же попавший на флот после техникума – имел все же свой «скелет в шкафу», если можно так выразиться. Этот тихоня на самом деле был полон скрытых амбиций, прорезавшихся в нем уже в юные годы: будучи матросом первого года службы он умудрился стать кандидатом в члены КПСС – редкий случай для 70-х годов. Наверное, он начал стучаться в эти золочёные двери еще в техникуме, а тут просто добил своей настойчивостью местных политработников, или, что еще вернее, попал под очередную кампанию по вовлечению в партию военнослужащих-срочников. Как бы там ни было, этот

пацан сызмальства метил далеко и высоко: ну какому ещё нормальному юнцу взбредет в голову связываться с КПСС?! И без неё вездесущего и практически обязательного комсомола всем хватало «выше крыши».

Поясню. Членство в КПСС во время трехлетней службы на флоте носителю этого гордого звания особо ничего не даёт, а вот после... Имея за плечами техникум, срочную службу и заветную краснокожую корочку члена КПСС, её обладатель мог с пинка открывать двери приёмных комиссий практически любого ВУЗа страны. Но и не это главный профит.

Все студенческие годы такого Малыша будут пестовать заботливые дяди и тётки из парткомов и месткомов, продвигая еще дальше и выше по своим лестницам. Он непременно станет секретарём комитета комсомола курса, факультета, института, или замом предпрофкома, ещё его обязательно копируют в члены парткома (по квоте райкома для партийной молодёжи). А вот в аудиториях и лабораториях сокурсники его больше не увидят, а только с трибун собраний и конференций, зачетку почтенные профессора будут ему заполнять даже без появления в деканате. Не исключено, что с годик он так «проучится» по обмену в какой-нибудь стране из социалистического лагеря.

Но даже не в счастливых студенческих годах настоящее счастье. Основная цель таких «Малышей» – это последующее десантирование в партийные или советские органы, а в идеале в КГБ. Советская номенклатура – это отдельная пес-

ня, но мы не о ней.

Чтобы упасть с размаху во весь этот шоколад Малышу в его глобальном плане не хватало вишенки на торте – свидетельства об окончании партийной школы, с помощью которого его карьерный трамплин превращался бы вообще в катапульту. У нас в военном городке при Доме офицеров флота (ДОФ) как раз и функционировало такое учебное заведение. И Малыш, естественно, её нашел, влез туда как кандидат в члены КПСС и его затем беспрекословно отпускали в увольнительную на это святое дело, на эти дурацкие семинары и лекции (обучение заочное). Всё было весело и хорошо, пока не подошла пора выпускного экзамена с вручением диплома-удостоверения.

Вот тут Малыш немного сдулся по причине полной неспособности к внятному изложению любой мысли, особенно марксистско-ленинской, и предстоящего экзамена он опасался похлеще нашего зубного врача. Но для чего еще нужны друзья? – на счастье Малыша у него нашелся тогда козырь в рукаве – в моем лице.

Теперь обо мне, но кратко, ибо краткость – моя родная сестра. Трепаться на марксистско-ленинском сленге я наловчился с рождения: моя родная бабка была ветераном КПСС еще со времен ВКП(б) и мало того, она, будучи судьёй на районе, выписывала соответствующие издания, по которым я учился читать. Особенно мне нравился журнал «Советская милиция», так как в нем печатались детективы с продолже-

нием и комиксы-загадки с инспектором Варнике – наравне с «Мурзилкой» это были мои настольные книги. Так что уже к окончанию школы я вполне владел приёмами коммунистической казуистики, начётничества, формализма и дидактики, понимая в чем примат исторического материализма перед диалектическим. «Краткий курс истории ВКП(б)» и я были как близнецы-братья.

И вот что еще мне пошло в «профит» в связи с вышеизложенным. На нашем корабле, как и в любой другой воинской части ВС СССР по понедельникам проходили обязательные партполитзанятия, где военнослужащим пытались вдалбливать в головы основы марксизма-ленинизма и общую политику партии и правительства. Занятия должен был вести наш интендант-старлей – выпускник Вольского среднего училища тыла, отчего он никаких карьерных перспектив не ожидал, но ему, судя по его всегда довольной роже, вполне хватало хлопот по снабжению продовольствием атомной подводной дивизии (а там, в том числе, были балыки палтуса, сыры-колбасы, икра, вина...). Интендант был заодно ленив насчет общения с матросами – он витал в более возвышенных сферах, – поэтому, с ходу вычислив мои идеологические способности и склонность к догматике, он запряг меня вести эти занятия вместо него. При этом он все понедельники спокойно посвящал собственным бизнес-проектам, но и я был тогда не совсем дурак.

Набросав несколько конспектов на ходовые темы с цита-

тами из передовиц журнала «Коммунист Вооруженных Сил» и флотской газеты «На страже Заполярья» (более известной как «Гальюн-таймс»), я посадил вместо себя бубнить эти мантры бессловесного матросика-первогодка из нового призыва. Так и распределялись наши обязанности: руководитель проекта перегружал с баржи на баржу балыки с икрой, его помощник в моем лице играл в нарды (коша по-флотски) на сигареты с подвахтенными, а счастливые слушатели под заунывное чтение прописных истин писали письма и подшивали подворотнички на сопливцы (так назывались галстуки к бушлату).

Ну, то есть, и с этой стороны я был в авторитете – вот откуда Малыш прознал о моих марксистско-ленинских наклонностях – он сам был должен сидеть наравне со всеми на этих занятиях.

И вот, накануне рокового дня экзаменов в партшколе его посетила счастливая мысль уговорить меня поехать туда вместо него. После согласования условий оплаты контракта в виде всего лишь одной бутылки 0.7 литра марочного портвейна плюс порция копченой колбасы с шоколадкой моё слабое сопротивление преступлению против заветов Ленина-Сталина было сломлено.

В день «Д» я взял военный билет Малыша (это вместо паспорта, кто не знает), что было практически безопасно, так как разобрать на фото 3х4 кто там конкретно запечатлен было невозможно – на всех сплошь стриженные испуганные

морды новобранцев. Натянул его тесную форменку с погончиками старшины 2-й статьи (я был рядовой – просто матрос без лычек) и отправился на попутке в военный городок в ДОФ – Дом офицеров флота – средоточие местной культуры, науки, политработы и всего прочего, где и предполагалось в том числе испытание выпускников партийного учебного заведения. Я тогда шел на это преступление с беспечностью вырвавшегося на свободу профессора Плейшнера, только он попался на удочку гестапо, а я нет!

Вызвали в кабинет серьёзные дяди в погонах со звёздами, захожу, как положено, строевым и чётко: «Товарищ капитан какого-то там ранга, старшина второй статьи Малышев для сдачи экзамена прибыл», чем уже заслужил удовлетворительную оценку, но нам с Малышом нужно было только «Отлично». «Берите билет, старшина» – беру, отхожу, сажусь за стол. Три вопроса (без задачи)...

Не помню, конечно, насчет чего конкретно там было, но, разумеется мне, знавшему назубок даты всех съездов РСДРП-ВКП(б)-КПСС, а также почему поссорились Иосиф Виссарионович со Львом Давидовичем и какой вражина оказался любимец партии Бухарин Николай Иванович – всё было семечки и трын-трава! Итог – отлично! Далее следовала поддельная подпись в получении заветной корочки и вот уже я (то есть Малыш) – выпускник флотской партшколы, а это вам не какая-нибудь колхозная изба-читальня.

Малыш, разумеется, был счастлив, бутылку марочного

портвейна трехлетней выдержки он раздобыл заранее, что тоже было непросто, ибо в нашем военторге кроме пуговиц и мыла с заржавленными пряниками со вкусом того же мыла ничего не было. Конечно, можно было выменять у снабженцев сухое вино с подлодок, но эта кислятина мне была не нужна (хотя она тоже была марочная и импортная из соцлагеря).

Завладев заветной наградой, я после отбоя спокойно отправился на верхнюю палубу к себе в одну из боцманских баталерок, где хранились флаги расцвечивания и где обычно никого не бывало, кроме меня и северного сияния. Дело было в июне, стояли белые ночи, вопли бакланов и монотонный шум десятков кораблей не помешали мне вкушать божественный (как мне тогда показалось) напиток, покуривая сигареты «Ленинград», которые я дополнительно выторговал у этого афериста. Все это действие происходило при возлежании на штабеле флагов Советского военно-морского флота – мягонькие из чистой шерсти, чтоб быстрее сохли в бурю и шторма. В мою обязанность как старшего боцмана входило, в том числе, вывешивание по праздникам этих флагов на фалах в произвольном порядке (в виде флагов расцвечивания) и подъём блоком по команде командующего парадом: «Флаг, гюйс, стеньговые флаги и флаги расцвечивания – поднять!» – ту-ту-ру-ту-ту-ту ... (это музыка такая от оркестра на пирсе). Красотища!

А флотский флаг – это вам не какое-нибудь хухры-мухры:

каждый имел свое название, сообразно старославянской азбуке (рцы, аз, буки, мыслете, ферт и т.д.) и свою расцветку, а их комбинация на мачте соответствовала определенному сигналу по Своду сигналов. «Минная постановка» или там, «Веду артиллерийские стрельбы», или «Карантинное судно» или что угодно – см. Свод сигналов.

Вот, в общем-то, и всё. Этот жлоб Малыш потом еще на меня наехал – почему я портвейн в одиночку выпил – не, ну какая скотина! А большевики с комсомольцами они все такие: лишь бы крестьянина обидеть.

Осенью он дембельнулся, следом за ним и я, но уже к Новому году. Напоследок этот без трёх минут коммунист выцыганил у меня (не помню уже за что) великолепную шинель тонкого офицерского сукна – чистая шерсть! И пришлось мне на дембель ехать в его обрезанной по самые помидоры грубой матросской шинельке, в которой я выглядел как последний портовый бомж. Но все равно Малыш остался в моей памяти очаровательным мерзавцем, я все равно его любил, как кота, который хоть и гадит тебе в тапочки, но все равно для тебя остаётся очаровашкой...

Больше я нем не слыхал. Наверняка стал большим человеком, удачно прошел приватизацию и сидит теперь пожизненно счастливый в какой-нибудь думе.

Чего и вам всем желаю!

Как я плавказарму красил

Корабли положено красить, особенно военные, причем единообразно, чтоб глаз начальствующий радовали, а вражий отпугивали. Различными научными военно-морскими институтами было установлено, что цвет кораблям должен быть в масть морскому, а поскольку море издали кажется серым, то и корабли должны быть серыми...

Такая вот логическая парадигма. Короче, краска должна быть «шаровая» – и точка! «Шаровая» – это не от какого-то там шарика, а от древнерусского «серый, тёмно-серый», как море на горизонте (потому и собак зовут Шарик). Кто не верит – выйдите на палубу броненосца и гляньте в подзорную трубу на горизонт – вода там именно шарового цвета. С пенкой.

Процесс окрашивания ровных гладких поверхностей, разумеется, особых проблем не представляет, но это, если ты не болтаешься при этом в люльке за бортом, а в этот борт еще бьёт волна. По нормативам на Северном флоте плавсредства ВМФ положено окрашивать (возобновлять окраску, подкрашивать и т.п.) раз в год, а вот черноморцам дико не повезло – там дважды в год.

Плавказарма наша имела приличные габариты: длина 111 м, ширина 13,8м, высота от киля до клотика (не знаю, ибо, что было ниже ватерлинии нас не интересовало), а вот от

ватерлинии до планширя фальшборта первой палубы около 3 м, а до второй (ближе к носу борт достигал второй палубы) так все 5. Ещё выше все надстройки на четырёх палубах – это еще в высоту метров под 8. Якоря висели в клюзах (мы вечно стояли у стенки, как «Аврора») и обмазать их и якорь-цепи на баке «кузбасс-лаком» труда не представляло.

Напомню, я был рядовой матрос, правда с некоторым предыдущим опытом службы, поэтому по воле высших сил заведовал боцманской командой из 8-9 пацанов 18-19 лет (я старик и «годок» – мне уже 20 было). Пацаны эти в основном или городские, или – пара-тройка – из далеких азиатских кишлаков. Поэтому красить не умел никто. В том числе и я. Последний мой опыт работы с красками состоялся ещё во времена детского садика, когда я вместе со всеми раскрашивал акварелью Деда Мороза с надписью: «Дорогой мамочке на 8-е Марта».

Бочками и бидонами-флягами с краской были заставлены бак, ют и даже часть шканцев. По случаю аврала из своей каюты выполз (изменив своей незабвенной канистре со спиртом) сам главный боцман Рагулис и дал вводную: сперва оттираем-зачищаем старую краску, затем наносим слой грунтовки, а когда та подсохнет (ага, подсохнет она, если в мае стоял холод собачий и дикая влажность) – мажем в основной цвет – в шаровый. Всё просто! Сказал мне в какой шхере искать кисти-скребки-валики и прочий инструмент, рваное рабочее старьё, а главное – беседку-люльку, в которой испол-

нителем предстояло болтаться между бортом и бездной, лихо работая на весу кистями, примерно, как Микеланджело в Сикстинской капелле (он тоже творил свои шедевры, подвешенный к потолку). После инструктажа Рагулис вернулся к своей канистре.

Суха теория, мой друг!.. Действительность превзошла все ожидания. Борты не хотели зачищаться от остатков прошлогодних и более ранних слоёв, грунт (свинцовый сурик) никак не желал приставать к железу, а когда прилипал, то уже на него никак не хотел ложиться основной шаровый слой. Когда после долгих мучений удавалось залепить всем этим часть борта, то на утро оказывалось, что вместо красивой глянцево-голубой поверхности военно-морского цвета с бортов свисали разноцветные лоскуты и лохмотья отвалившейся краски. По этому поводу Рагулис завёл было свою любимую латышскую поговорку: «Тригосподабогадушу Пресвятая дева Мария и 12 непорочных братьев апостолов»... (далее следовало их перечисление поименно), затем шло упоминание многих предметов бегучего и стоячего такелажа и как постскриптум – направления ветров от бакштага до бейдевинда. Более действенных подсказок кроме данного идиоматического, но очень эмоционального выражения, мы не услышали. Подбодрённые морским фольклором, матросы продолжили своё безнадёжное занятие.

Беседка-люлька через блоки была принайтовлена шкотами к планширю первой палубы, или к леерам второй. Чума-

зый с головы до пят матросик, мало того, что был в спасжилете, вдобавок был обвязан страховочным шкентелем (обязательно с мусингами). И вот, стоя враскоряку на качающемся настиле, он должен был макать кисть-валик в обрез с краской, и виртуозно возюкать им по металлу.

Краска, зараза, оказалась жидкая, как кефир 0,5%. Грунтурикс тоже жидковат – как кефир 1,5%. Загустителей не предусмотрено, наоборот, в 200-литровых бочках завезли растворитель – да не тот – со сложным названием этилен- и что-то там еще, это, чтобы и без того жидкую субстанцию еще разжижать. Мучения длились несколько дней и белых ночей, пока...

Пока не раздался крик вахтенного у трапа (сходней): «Водовоз швартуется!».

Пробросав всё, маляры стали выкарабкиваться на палубу. Ведь водовоз – это, как сказал Хэмингуэй – праздник, который всегда с тобой. Для справки: тогда воду не фильтровали, что привезли, то и закачивали в свои цистерны, а уже оттуда черпали кружками. От этой воды за год у меня рассыпался один коренной зуб и два попали на пломбы, хотя до этого я предыдущие 20 лет мог зубами колючую проволоку перегрызать. Но вернёмся к водовозу.

Это был небольшой танкер с гражданской командой, но фишка в том, что порт приписки его был Мурманск, а это – по понятиям нашей полярной глухомани – сказочное место не хуже Парижа. Они везли нам водку, портвейн, «бело-

гвардейские сигареты», могли на заказ притаранить джинсы, диски и прочую «фирму» (это для дембелей, остальным вся эта роскошь была пока без надобности), и тогда начинался великий «ченч» (натуральный обмен), сродни обмену бус на золото при встрече белых европейцев с дикарями.

Матросы с кличем: «Всё пропьём, но флот не опозорим» тащили к оборотистым водовозным бизнесменам тельняшки, кожаные матросские ремни, бушлаты, черные клеша, свои поделки (имеются в виду предметы народного творчества типа залакированных крабов на крашенном оргстекле) – кто что скопил или стащил у баталера... Можно было и деньгами, но их было мало, денежного довольствия (так получка называется в армии) на срочной службе тогда хватало только на папиросы «Беломорканал», я, например, получал всего рублей 6-7 в месяц, а самый крутой старшина на подлодке, дай бог, рублей 20-25 и всё... Не то, что сейчас. Ну, и что кому из дома пришлют.

Обмен производился по загадочному курсу, потому как деньги и вещи имели иное мерило и ценность, чем на «гражданке», но стороны всегда приходили к согласию.

Насчет водки... Да, была в ходу, вернее, имела хождение наравне с денежными знаками, как и «шило» (спирт), но повального пьянства я не замечал и сильно пьяных не видел (кроме своего главного боцмана, но он с рождения был в одной поре) – так посидеть с бутылочкой на троих под хорошую закусточку (а она на Севера была) – отчего бы и нет?!

Многие из нас по три года не были в отпусках, очень скупились начальство и всё Министерство обороны на этот счет. Три года, как в песне «мать без сына...» – ну, куда это годится?! Да что там отпуска – в увольнение сходить некуда – да их и не было. Соседний военный городок? – да кто нас там ждал? Да, там был ДОФ (Дом офицеров флота), типа дома культуры с танцами по выходным, но опять же не для нас – это кто там в городке служил, а нам с кораблей доступ туда был заказан. Изредка командируют тебя в этот городок по какой-нибудь служебной надобности – вот и лазаешь там по магазинам (а их всего-то с пяток) и глазеешь на редких девчонок – офицерских дочерей. Край света (и тьмы). Тут не то что сопьёшься – с ума сойдешь от тоски или в сопки убежишь. Как у нас убежал с корабля один тронутый умом матрос родом из горных районов Дагестана.

Ну, ладно, водовоз пережили, вернёмся к покраске.

Особенно прикольно было заниматься окрашиванием того борта, которым мы были пришвартованы к стационарному пирсу-стенке (подлодки стояли у плавпирсов, и их игра прилива-отлива не затрагивала). Верхнюю и нижнюю точки ежедневного «дыхания океана» разделяло метра три-четыре, в пирс были вделаны вертикальные брусья-пиллерсы из дерева (чтоб пришвартованные корабли не терлись металлом по металлу или бетону). С борта корабля свисали пара-тройка кранцев – огромных прорезиненных цилиндров (на катерах и буксирах их заменяют старые автопокрышки) диамет-

ром в метр и длиной метра три – как демпфирующая защита от горизонтальных ударов бортов о пристань. То есть, постоянно борт корабля то медленно опускался несколько часов относительно стенки, то также медленно поднимался. А ты в это время висишь – Микеланджело хренов – в беседке в узком темном пространстве между кораблем и пирсом. Кранцы трутся о дерево, издавая соответствующие не очень приятные звуки.

Немного отвлечёмся. Как эти кранцы не обвязывай «уткой» за береговые кнехты, какие толстенные бы ни были швартовые концы – при частых штормовых ветрах с соответствующим раскачиванием корпуса плавказармы – эти канаты неизбежно обрывались и кранцы отправлялись в свободное плавание по акватории залива (губы Нерпичья). Оставшийся беззащитным металлический борт на адском ветру и постоянном вертикальном перемещении от приливов начал тереться о береговую стенку, издавая нереальный душевраздирающий скрежет, который особо впечатляющ был ночью – спать невозможно!

Наутро после подобного происшествия боцманская команда плавказармы отправлялась под моим руководством на поиски кранца-беглеца. Пробираясь к цели через нагромождения обломков черных скал, матросики успевали подбирать застрявшие во время отлива в камнях морские звезды, крабики, ракушки – все это, впоследствии мумифицированное и залакированное, шло на поделки – народное матросское

творчество и едва ли не единственная отдушина-забава. Чтобы достать конец (трос) от кранца порой приходилось лезть в ледяную воду и затем, дружно взявшись за него, волочить кранец подобно бурлакам на Волге на его законное место.

Да, о покраске... Недели за две мы все же умудрились обмазать краской (именно обмазать, а не покрасить) борта и, само собой, надстройки. Ежегодная эпопея была завершена. И там и тут просвечивались сквозь жиденький слой (а мы мазали не по одному разу) шаровой краски рыжие проплешины грунта – свинцового сурика (был еще железный сурик, но им красили только ватервейсы и часть палуб – это совсем просто для настоящего художника). Кое-где отслаивался и грунт, обнажая грязно-черно-ржавый металл бортов. Но эти дефекты были сконцентрированы, в основном, в районе ватерлинии – типа, сверху и издали не видать и дивизионное начальство на нас (ну, в смысле, на командира плавказармы) по этому поводу сильно не наезжало. Главное, чтоб подлодки были в норме, а эти вспомогательные!.. – «Тригосподабогадушу... – и т.д.» – см. выше.

Со временем, уже на гражданке, нахватавшись опыта и знаний во всех сферах человеческой жизни, я понял, что надо было обязательно обезжиривать место под покраску чем-то типа ацетона и его родственниками по нитратной линии. Но его не было, да мы бы и сдохли в узкостях меж бортом и стенкой от таких ароматов. И бензина тоже не было – только солярка от дизелей, но она сама жирнищя хуже детского

мыла.

Но и не в ацетоне главное. Вот кошка учит своих котят мышей ловить и под хвостом лизать, гамадрил – гамадрилят – как разбить кокос, а нас, человеческих детёнышей, тогда ничему эдакому не обучили. В советском ВМФ, да и в российском, были и есть учебные центры (учебки) по всем видам «боевых искусств», но не слышал, что подобные существуют именно по боцманскому (даже, точнее, по шкиперскому) делу. Типа, это фигня полная – сами научатся как правильно гальюны драить и троса в кондейках сворачивать. Это на подлодках – там, да – боцман – это фигура, он на горизонтальных рулях сидит и заведует вертикальным перемещением вверх-вниз: без него погрузиться на перископную глубину можно, а вот с предельной глубины без рулей выбраться – уже фигушки.

И даже при наличии учебок в любой воинской части обязана быть преемственность поколений, особенно на флоте, когда старшина дизелистов готовит себе смену – дизелистика, старшина мотористов – трюмного машиниста, ветеран ВМФ с 2,5 летним стажем (такой, как я в те благословенные годы) окраски заиндеветшего металла – своему новоприбывшему боцманёнку. Вот у нас тогда именно последнего и не было. Я что умел? – несколько основных морских узлов вязать, да знал устройство корабля со всеми его мудрёными названиями (да, еще политзанятия вёл со всей командой – о роли КПСС в коммунистическом строительстве на флоте).

Вот и своих молодых водил на экскурсии и натаскивал где у нас спардек, а где шканцы, они хоть научились отличать шпигат от ватервейса и рангоут от такелажа.

Я еще в ту пору сносно мог оперировать дифференциальным и интегральным счислением, имел понятия о теории полёта крылатых ракет и вполне мог бы служить штурманом на небольшом кораблике – до их пор различаю обсервацию от девиации и что такое крьюйс-пеленг и нактоуз репитера гироскопа. Но всё это на плавказарме не требовалось и мне пришлось заготавливать веники для бани и красить ржавые корабли.

А это уже совсем другая песня.